

И. БОРИЧЕВСКИЙ

ЗАМЕТКИ ЖУКОВСКОГО О ГИБЕЛИ ПУШКИНА

История дуэли и смерти Пушкина является одним из весьма сложных вопросов пушкиноведения. В свое время П. Е. Щеголев обращал внимание на важное свидетельство — краткие заметки о дуэли и смерти Пушкина, сделанные В. А. Жуковским.¹

Предлагая эти заметки вниманию читателей, он выделял особо первые три заметки. Именно они были оценены, как источник, имеющий первостепенное значение для восстановления последних дней жизни Пушкина. Что касается остальных записей Жуковского, то они были признаны „совершенно незначительными“. П. Е. Щеголев не счел даже нужным публиковать их полностью.

Не следует забывать, что главным средоточием прежних исследователей были семейные отношения Пушкина. Советский исследователь наших дней выдвигает другие требования. Он стремится выявить более глубокие двигатели трагической развязки: ее общественные причины.

Свидетельства, малозначительные в глазах прежних исследователей, получают иногда теперь особое значение. Таковы именно автографы В. А. Жуковского, хранящиеся в Институте литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР (шифр 27642 [СХСVIII6/25]).

Эти заметки сделаны чернилами на пяти листах бумаги разного формата. Оттенки почерка свидетельствуют о том, что они записаны в разное время.

Из пяти листков — четыре двойных. И уже на третьем листке находим две совершенно различных записи. Одна из них — на первой и второй странице, другая — на четвертой. Третья страница оставлена незаполненной.

Также обстоит дело и с пятым листком. Одна запись сделана карандашом. Другая — пером по тому же карандашному наброску. И тут же, сбоку — третья, дополнительная, также пером.

¹ П. Е. Щеголев. „Дуэль и смерть Пушкина“, СПб. 1926. В третьем издании (1928) три записи Жуковского приведены на стр. 307 и сл. Далее цитирую просто: Щеголев.

Вряд ли целесообразно делить „заметки“ по внешнему признаку — по отдельным листкам. Правильнее различать их по содержанию. Тогда мы получим не пять записок, а восемь отдельных записей.

Только три из них (первая, вторая и третья) были использованы прежними исследователями. Пять остальных восстанавливаются нами впервые.

Уже в первой записи выступает несколько своеобразных особенностей авторской манеры. Почерк очень неровный. Одни и те же буквы пишутся двумя, а то и тремя различными способами. Местами почерк становится почти неразборчивым, особенно в последних записях. Нередко попадают слова сокращенные или же недописанные, встречаются зачеркнутые слова или же части слов. Бывает и наоборот: автор делает вставки и дополнения к первоначальному тексту. П. Е. Щеголев недооценивал этих особенностей и большею частью их не воспроизводил.

Попытаемся, прежде всего, установить точный и полный текст всех восьми записей.¹

В квадратные скобки [] нами заключены слова, зачеркнутые в подлиннике. В ломаные скобки < > — наши дополнения. В примечаниях текст Жуковского обозначается буквой Ж, чтения Щеголева — буквой Щ.

〈Запись первая〉*

〈Первый вызов〉

- 1 4 ноябр<я> Les lettres anonymes
6 ноября. Гончаров у меня. Моя поездка
в Петербург. К Пушкину. Явление Геккери<а>.
Мое возвращени<е> к Пушкину. Остаток
- 5 дня у Вьельгорского и Вяземского. Вечером
письмо Загряжской
7 ноябр<я>. Я поутру у Загряжской. От нее
к Геккерну. (Mes antecedents. Неизве<ще>ни<е>)²
совершенно<е> прежде бывшего). Открыти<я>
- 10 Геккери<а>. О любви сына к Катерине (моя ошиб-
ка на счет имени). Открыти<е> о родстве;
о предполагаемо<й> свадьбе. — Мое слово. —
Мысль³ [ду<эль>] все остановить. Возвращени<е> к
Пушкину. Les révélation⁴. Его бешенство. Свидание с Гекер-

¹ В 3-й, 6-й и 8-й записях ряд слов прочтен Н. В. Измайловым, Л. Б. Модзалевским, С. Н. Черновым и Д. П. Якубовичем.

* Запись сделана на первых двух страницах первого листка. Все заголовки записей даются нами условно.

² неизвѣшні Ж; неизвестное Щ; ср. слово извещение в строке 15.

³ После слова „мысль“ две буквы — „ду“ — зачеркнуты: ду<эль>.

⁴ Эти два слова вписаны.

- 15 ном. Извещени<е> его Вьельгорским.
 [8 ноября] [Les] Молодой Геккерн у Вьельгорского
 8. Pourparlers. Геккерн у Загряжской. Я у
 Пушкина. Большое спокойс<т>вие. Его слезы.
 То, что я говорил о его отношении
 20 9. Les révélations de Heckern. Мое предложен<ие>
 посредничества. Сцена втроем с о<т>цом и
 сыном. Мое предложени<е> свидания.
 10. Молодой Геккерн у меня. Я отказываюсь
 от свидания. Мое письмо к Геккерну.
 25 Его ответ. Мое свидани<е> с Пушкиным.

〈Запись вторая〉*

〈Накануне второго вызова〉

- После того как я отказался.
 Присылка за мною Е. И. Что Пушк<ин>
 сказал Александрине
 Мое посещени<е> Геккерна.
 5 Его требование письма.
 Отказ Пушкина. Письмо
 в котором упоминает [слу<хи>]¹
 о сватовстве
 Свидание Пушкину ² с Геккерн<ом>
 10 у Е. И.
 Письма Дантеса к Пушкину
 и его бешенство
 Снова дуэль. Секундант.
 Письмо Пушкин<а>
 15 Записка Н. Н. ко мне и
 мой совет. Это было на
 [бале] рауте Фикельмона
 Сватовство. Приезд братьев.
 20 После свадьбы. Два лица.
 Мрачность при ней. Веселость
 за ее спиной. —
 Les Révélations d'Alexandrine
 При тетке ласка с женой;³
 25 при Александрине и других, кои могли

* Запись сделана на первых двух страницах второго листка.

¹ В автографе можно прочесть: су

² Пушкина *Щ*.

³ к жене *Щ*.

бы рассказать <, > des
brusqueries. Дома же веселость и большое
согласие.

История кровати.

30 Le gaillard ¹ tire ² bien
Vous m'avez porté bonheur

<Запись третья> *

<День дуэли>

Встал весело в 8 часов. —
После чаю много писал — часу до
11-го. — в 11 обед. — Ходил по комнате
необыкновенно весело пел песни. —
5 Потом увидел в окно Данзаса.
В дверях встр.<етил> радостно.
— Взошли в кабинет, запер
дверь. — Через неск.<олько> минут
посл.<ал> за пистолетами. — [позв.<ал>]
10 По отъезде Данзаса начал
одеваться; вымылся весь, все
чистое; велел подать
бекешь; — вышел на лестни-
цу. — Возвратился — [принес]
15 велел подать в кабинет
большую шубу и [поехал]
пошел пешком до из-
вощика. — Это было
ровно в 1 ч. — Возвратился
20 уже темно. В карете.
Данзас входит, спр.<ашивает> бар.<ыня>
дома — Вынесли из кареты
люди. [Чело.<век>] Камердинер взял
его в охапку. Грустно
25 тебе нести меня. — Попро-
сил.
Жена встретила в [дива.<нной>]
передней — дурнота — n'entrez
pas Его положили на диван.

¹ Ц считал, что после слова gaillard существует пропуск. В действительности про-
пуска в рукописи нет.

² tiu Ж; très Ц.

* Запись — на первых двух страницах третьего листка.

- 30 Горшок. Разделся и все новое ¹ белье. Сам велел все;
потом лег. У него все
был Данзас. Жена вошла
когда он был одет и
35 когда уже послали за Аренд-
том. — Задлер. — Арендт.
часу в девятом.
В понедельник приезд
[Дантеса с] Геккерн(а)
40 ссора на лестнице
Получены деньги из
Государств. Казначейства
1-го февраля 10.000. Отдал
45 Графу Григорию Александро-
вичу Строганову.

〈Запись четвертая〉*

〈Предсмертные часы Пушкина〉

- 1 Спасский.² О жене и Грече.³
Арендт.
Просит прощения
Уехали
5 Стрдание ночью.
Возвращение Арендта ⁴
Фельдъегерь
Прибытие Арендта
Записка.
10 Исповедь и причащение.⁵

〈Запись пятая〉**

〈Действия друзей Пушкина〉

Данзас —
Плетнев. +

¹ В рукописи онвое — описка вместо новое.

* Запись на четвертой странице третьего листка. *Щ* отметил запись мимоходом и воспроизвел текст, весьма отдаленный от подлинника.

² Спасение *Щ*.

³ О брате *Щ*.

⁴ Строки 5—6 сперва были сделаны в конце записи.

⁵ Строки 7—10 сперва были сделаны в середине записи: перестановку отметил сам *Ж* — фигурной скобкой и кривой линией.

** Запись на четвертом листке. Фамилии были приведены у *Щ*, но без соответствующих им знаков (+, —).

- Вяземская
Вяземский.
5 Мещерский
Карамзина.
Даль.
Вьельгорский. —
Спаский.
10 Одоевский.
[Краевский]

*〈Запись шестая〉**
*〈Первый отчет о событиях после
смерти Пушкина〉***

- Разбор сделан
Вот так расположение
Протестую наперед
Что буду делать с ма<нускриптами>
5 Письмо к Чадаеву
Образ мыслей Пушк<ина>
Что случилось
Прочтение письма
Если бы Пушкин знал последств<ия>
10 Теперь толки
И сильное <нрзб.> оскорб<ление>
<нрзб.> <сеяли?> слухи
Не могли ничего сделать
И чтоже сделали
15 Слухи о студентах
 О мщени
 Фрак
 Другие сплет<ни>
 Мои <манускр>[ипты]
20 Последний вынос и <жандар>мы
Переход толпы
Поклонение гробу
Неповоление печатать
Контраст с государем
25 Благодарность

* Запись на левой половине первой страницы пятого листка. Цу принял запись за конспект письма Ж к Бенкендорфу и привел только ее начало.

** Этот первоначальный набросок сделан карандашом. Разобран мною впервые; анализ его дается мною в особой статье. Строки 1—26 на левой половине первой страницы пятого листка. Строки 27—38 на правой его половине.

- Но вот что узнали: выводы
Его раздражение
 Поэт
 Хорошо судили
30 Чувство народности
 Любви к отечеству
Не могли *<нрзб.>* помочь *<?>*
 Что в Пушкине
 сосредоточивалось
35 Кого оплакиваем
 творца
 <Творени<я>
 <нрзб.> *<нрзб.>*

*<Запись седьмая>**<Второй отчет о событиях после смерти Пушкина>*

- Разбор сделан.
Расположение.
Протестую. — Донос на меня.
Что буду делать с ма*<нускриптами>*¹
5 Что же оказалось
Мое положение
Что оказалось о Пушкине
Его раздраже*<ние>*
Его положение
10 письма *<Бенкендорфа>*
<Его пр>
11 предубеждение его.²
Его образ мы*<слей>*
 письмо к Чад.*<аеву>*
цензура
15 Самод.*<ержавие>*³
Июль
Польша
[Что]
18 Его смерть
 Слухи
20 *<Студенты>*⁴

¹ делать с ним *Щ.*² Строки 11—17 прибавлены позднее к основному тексту и отмечены у *Ж* фигурной скобкой.³ Сатод. или Самод. *Ж.* Сокращенное слово.⁴ Строки 20—23 прибавлены позднее к основному тексту и отмечены у *Ж* фигурной скобкой.

мщение ¹

купцы

речи

Граф Строганов

25 Нельзя же образовать <нрзб.>

Посещения. — Фрак

Вынос и жандармы ²

Перемена церкви

удвоенное де<журство>

30 толки

народ на площади

оскорблен<ие>

Министры

Церемония в церкви и поклонение гробу

35 Непозволение печатать

Критика Дундука.

От чего все эти страхи.

чего боялись объявлений отпуск<ов>

но он был невозможен

40 Сильное <нрзб.>

Сильное оскорбление

Какой контраст с государем.

<Запись восьмая>*

<Задание Жуковского>

1 (34) Мне нето ³ плохо.

я глупец; из-за

плеч моих дру<гие> ⁴

(37) Не могу не отвеча<ть>

5 ибо вы постави<ли>

меня перед ним

как <нрзб.>

Чтобы ни делать

все уже остае<тся>

10 каково в письм<е>

таково и в пис<ьмах>

¹ мещане *Щ.*² Эта строка находится после 33; но *Ж* сам сделал перестановку — особой кривой.* Запись на той же странице, что и шестая, с правой стороны. Начинается против
строк 34—42 шестой записи и продолжена до конца страницы. Публикуется впервые.³ <Легло?>⁴ Ср. запись 6, стр. 13; письмо к Чадаеву).

12 (42) П<у>шк<ин>у.
 [Если]
 Я читал мое
 письмо — тоже и
 15 на дн<я>х. Что же
 вы сделали?
 Государь — до
 Удивление и страх заго<товить> указ — (?)
 Только в семье своей убежище.

I

Рассмотрим каждую запись отдельно.

Запись первая — о преддвуальных событиях. Когда она была сделана?

В записи излагаются события с точными датами. Они охватывают время с 4 по 10 ноября. Вся запись сделана в один присест. Почерк четко отличается от следующих, позднейших. Вероятно, запись сделана раньше их, вскоре после излагаемых событий. Примерно — 11 ноября.

„4 ноября *Les lettres anonymes*“. — Речь идет о безымянных пасквилях, которые в этот день получили Пушкин и его друзья.

„6 ноября. Гончаров у меня. Моя поездка в Петербург...“ — Родственники Пушкина вызвали Жуковского в город. И в тот же день он навестил всех заинтересованных лиц.

Далее: „Я поутру у Загряжской. От нее к Геккерну *(Mes antecessents)*“. — Повидимому, это любопытное слово толковалось до сих пор неправильно. В живой французской речи оно значит не просто „прошедшие обстоятельства“. Когда оно употребляется во множественном числе, оно обычно означает: прежние поступки, действия.

Жуковский подчеркивает: уже и прежде он предпринимал некоторые действия. Другими словами: вражда между двумя семьями существовала и до вызова. Анонимные письма отнюдь не были ее причиной, а только поводом для развязки. Это нужно отметить.

Жуковский больше к ним не возвращается. Для него важнее другое: „Открытия Геккерна. О любви сына к Катерине (моя ошибка насчет имени). Открытие о родстве: о предполагаемой свадьбе“.

Жуковский заехал к приемному отцу Дантеса Геккерну. Тот сообщил ему неожиданное открытие: Дантес любит не жену Пушкина, а его свояченицу. Осведомленный Жуковский тотчас же назвал имя: Александрина. И он „ошибся насчет имени“. Невестой Дантеса оказалась другая свояченица Пушкина: Екатерина.

Каким образом мог сделать ошибку такой сведущий наблюдатель? Он сам дает разгадку: „Неизвещение совершенное прежде бывшего“.

Щеголев предложил очень неопределенное чтение: „известное совершенное прежде бывшего“. Однако, это чтение исключается. И мы восстанавливаем именно так: неизве<ще>ни<е>.

Жуковский подчеркивает, что до этого, при его прежних посещениях, Дантес и Геккерн ни словом не обмолвились об одном событии, „прежде бывшем“. Оно было загадкой для прежних исследователей. Наша поправка устраняет сомнения. Дантес „полюбил“ Екатерину далеко не платонически. И ему оставалось только одно: загладить „прежде бывшее“ честным „сватовством“. Все это сохранялось в строгой тайне. Об этом „совершенно не известили“ даже дружественно расположенного Жуковского.¹

Но теперь, после вызова, надо было действовать спешно. И его посвятили в тайну. В связи с этим становится вполне понятной и выразительная строчка: „Мое слово. Мысль [ду] все остановить“.

Любопытная мелочь: Жуковский написал сначала — „остановить дуэль“. Потом перерешил: остановить *все*. Действительно, Екатерина вступила уже в связь с Дантесом. Он собирался с ней честно обвенчаться. Пушкин становился его близким родственником. Конечно, при такой обстановке, дуэль надо было остановить. И не только дуэль: примиритель Жуковский надеялся прекратить и всю вражду двух семей.

Окрыленный надеждою, он оставил Геккерна. И тотчас же отправился к его противнику.

„Возвращение к Пушкину. Les révélations. Его бешенство“. — Жуковский написал сначала просто: „его бешенство“. А потом вставил: *révélations* (откровения). Эта подробность лишний раз подчеркивает, что Жуковский посвятил своего друга в „тайну“ Дантеса. Но это „открытие“ подействовало на поэта иначе, чем рассчитывал Жуковский. Екатерина Гончарова была фрейлиной императрицы. Если бы ее внебрачная связь раскрылась — семья Пушкина стала бы притчей во языцех во всех светских салонах. Поэт был взбешен.

Тем не менее, Жуковский продолжал свое дело. В следующей строке находим словечко: „les.“ Жуковский повторяет его еще раз — и зачеркивает. Зачеркивает и новую дату: 8 ноября. Эти слова сорвались с пера преждевременно. Смысл их становится понятным из следующей записи:

„8. Pourparlers. Геккерн у Загряжской. Я у Пушкина...“ Pourparlers — переговоры. Это к ним торопился перейти Жуковский — словечками „les“. И вначале переговоры протекали успешно. Жуковскому удалось „смягчить“ Пушкина. А вскоре Геккерн сделал новые „открытия“.

¹ По мнению ряда исследователей доводы о добрачной беременности Екатерины очень шатки. Но отсюда отнюдь не следует, что внебрачной связи у нее не было. Кажется, исследователи не обратили внимания на слова Е. И. Загряжской в письме к Жуковскому: „Итак все концы в воду“. Это — после родительского согласия на свадьбу! (Щеголев, изд. 3, стр. 315).

Дантес представил новые доказательства серьезности своего брачного плана. И Жуковский еще решительнее принял за „посредничество“.

Однако все усилия оказались тщетными: „Молодой Геккерн у меня. Я отказываюсь от свидания...“

Переговоры разбились о непоколебимость Пушкина. И Жуковскому оставалось только отказаться от своей роли.

Именно после этого он и сделал свою запись. Если учесть все ее оттенки, ее смысл становится совершенно очевидным. Автор записи хотел дать себе отчет о неожиданных событиях. Пушкин вызвал на дуэль Дантеса. Но тот уже связал себя с другой сестрой. Дуэль становилась бессмыслицей — даже для тогдашних понятий о „чести“. Остановить ее стремились все окружающие. И все-таки, сам Пушкин не желал идти им навстречу. Почему? Это было загадкой для его друга...

II

Тема второй записи ясна. События после 10 ноября: после отказа Жуковского от посредничества.

В записи упоминается свадьба Дантеса и Екатерины Гончаровой: она состоялась 10 января 1837 года. Отмечаются и события „после свадьбы“. И эта запись также сделана в один присест. Вероятно, около 15 января.

„После того как я отказался. Присылка за мною Е. И. Что Пушкин сказал Александрине“.

Сказал, конечно, что не отказывается от своего намерения. Перепуганная тетка Пушкина (Е. И. Загряжская) опять пригласила Жуковского.

Ему снова пришлось вернуться к своей нелегкой роли. Тем более, что и другая сторона заявила о себе:

„Мое посещение Геккерна. Его требование письма. Отказ Пушкина. Письмо, в котором упоминает [су] о сватовстве“.

Отмечаем мелочь, не лишенную интереса. Жуковский зачеркнул буквы „су“ или „слу“ и записал: „о сватовстве“.

Вероятно, он хотел сначала написать „слухи“, а потом — сократил.¹

Но именно в этих слухах было все дело. Как и следовало ожидать, досужие языки стали говорить о загадочной свадьбе. Не зная истинной причины, объясняли ее желанием Дантеса уклониться от дуэли. Это считалось бесчестьем. И через Жуковского Геккерн потребовал: чтобы Пушкин подчеркнул в особом письме, что не приписывает намерению Дантеса никаких недостойных побуждений.

Пушкин написал письмо. Но все-таки, помянул в нем те же „слухи“. Что сделал тогда предприимчивый Жуковский?

¹ Ср. письмо Пушкина Сологубу от 17 ноября 1836 г.: („Переписка“, под ред. Саитова, стр. 409). В черновике было: *par le bruit public*. В беловом Пушкин слегка смягчил: *par la voix publique*.

„Свидание Пушкину с Геккерном у Е. И.“ — В рукописи читаем именно так: не „Пушкина“, а „Пушкину“. Исправлять, вслед за Щеголевым, не следует: это не описка. Напротив, дательный падеж ясно говорит: сам Пушкин от свиданий уклонялся. Их устраивали ему друзья — примирители...

Устраивали с той же целью: получить от него „почетное письмо“. Пушкин упорствовал.

Тогда с таким же требованием обратился к нему письменно сам Дантес. „Письмо Дантеса к Пушкину и его бешенство. Снова дуэль. Секундант. Письмо Пушкина“.

Письмо Дантеса только подлило масла в огонь. Пушкин отправил к Дантесу своего секунданта (В. Сологуба¹).

Но и на этот раз дуэль не состоялась. Пушкин согласился дать требуемое письмо.

Правда, согласился не сразу. Ведь именно тогда он уже приготовил свое знаменитое письмо к Геккерну. Но от посылки письма его удержали окружающие: жена и опять-таки — Жуковский: „Записка Н. Н. ко мне и мой совет. Это было на [бале] рауте Фикельмона“.

Дантес поспешил воспользоваться отсрочкой. Свадьба была отпразднована. А после свадьбы? Здесь Жуковский осложняет свой отчет вторжением нового лица. Это другая свояченица Пушкина, Александрина.

Ее имя упоминалось уже в начале записи. Здесь читаем: „Les Révélations d'Alexandrine“. И далее: „При тетке ласка с женой... История кровати“.

Прежде всего: употреблено то же слово „откровения“, что и прежде. Мы знаем уже его смысл — далеко не платонический.

Затем: эти откровения Александрины помогли Жуковскому понять, почему Пушкин так „ласков с женой“.

И наконец странная „история кровати“...

Из всего этого можно сделать такой вывод: у Дантеса был роман с Екатериной Гончаровой, а Пушкин был близок к другой сестре жены, Александрине. И эта близость раскрылась именно тогда — в преддуэльные дни.²

¹ В. Сологуб. Воспоминания, 1887, стр. 187. Ср. записку его же „Нечто о Пушкине“ (Б. Л. Модзалевский. Пушкин, 1929, стр. 374—381). Сопоставления этой записки с текстом его „Воспоминаний“ до сих пор не сделано.

² Кроме позднейших свидетельств об этой близости у нас имеется одно очень раннее и, как мне кажется, незаслуженно пренебрегаемое. Это — письмо неизвестной к А. И. Тургеневу — в день смерти Пушкина: „ni les antecedents ni le present ne sont en la (sic! sa?) faveur. Mon dieu! avait il oublié qu'il était epoux et père“. „Пушкин и его современники“, VI, стр. 56. Обращаю внимание: приятельница Тургенева употребляет не прошедшее, а давно прошедшее время („avait oublié“). Роман Пушкина с Александринной давно уже не был тайной для его друзей.

При такой обстановке, очевидно: Пушкин не имел никаких оснований преследовать жену своею ревностью. Скорее наоборот.

И действительно. Вот четкие наблюдения Жуковского: „Два лица. Мрачность при ней. Веселость за ее спиною. При тетке ласка с женой, при Александрине и других, кои могли бы рассказать des brusqueries. Дома же веселость и большое согласие“.

Жуковский подчеркивает: без свидетелей Пушкин все время обращается с женою очень ласково. На деле, он ни в чем не подозревал жены. Его ревность к Дантесу была — показною.¹

И тем не менее, он усиленно ее подчеркивал при других. Может быть, для этого давал какие-нибудь поводы сам Дантес?

Тут Жуковский дает ценное показание — до сих пор полностью не восстановленное. В конце записи читаем: „Le gaillard tire bien. Vous m'avez porté bonheur“.

По строению фразы, после слова gaillard следует ожидать глагола. Я читаю: tire,² т. е.: „Балагур метит хорошо. Вы принесли мне счастье“.

Балагур, конечно, Дантес. По отзыву Жуковского, он отпускал по адресу Пушкина всякие каламбуры, усиливавшие его раздражение. И Пушкин пользовался ими, чтобы отвергнуть все усилия посредников: не хотел примириться с врагом, уклонявшимся от дуэли.

Такова вторая запись. Загадка, отмеченная прежде, здесь еще не разрешается. Но запись ясно говорит: у событий был более глубокий, скрытый фон.

III

Далее следует запись третья. В конце ее — деловая заметка. С датой: 1 февраля. Повидимому запись сделана тогда же: 1 или 2 февраля.

Жуковский получил из казначейства деньги — на похороны Пушкина.

Тут же, перед этою деловою заметкой, читаем: „В понедельник приезд [Дантеса] с Геккерном и ссора на лестнице“.

С этих строк мы и начнем. Они незаслуженно не обратили на себя внимания.

О каком „приезде“ Геккерна идет речь? Очевидно — не к Жуковскому. Последний передает об этом с чужих слов и даже делает сначала ошибку. И эта ошибка очень показательна. „Приезд Дантеса с Геккерном“. Жуков-

¹ В отзыве Жуковского о „двух лицах“ не названо имя. Восстановленный мною конец записи свидетельствует о том, что эти „два лица“ не могут относиться к Дантесу. Но мы имеем и другое свидетельство в письме А. И. Тургенева к брату, от 31 января 1837 г.: „Я никогда, иначе, как вместе с его антагонистом, не примечал чувства его волновашего“. Таким образом, и здесь отмечается эта двойственность Пушкина (ср. Пушкин и его современники, вып. VI, стр. 59).

² Щеголев усмотрел в рукописи пропуск после слова gaillard, а неясное слово прочел très. Пропуска в рукописи нет, а чтение très не дает смысла.

ский знал: после свадьбы Дантес сделал попытку возобновить сношения с Пушкиным. Он приезжал к поэту со свадебным визитом — и не был принят.

Делал такие попытки и его приемный отец. Вполне правдоподобно, что и он заехал к Пушкину. Попытка оказалась напрасной: она кончилась „ссорой на лестнице“. Пушкин не принял и его.

Когда это произошло? Согласно Жуковскому, — „в понедельник“ накануне дуэли: т.-е. 25 января. Если это так — становится вполне понятным, почему на другой день, во вторник, Пушкин отправил своему противнику знаменитое письмо. „Ссора на лестнице“ была для этого желанным поводом.

Переходим теперь к основному содержанию записи.

„Встал весело в 8 часов. После чаю много писал — часу до 11-го“. — Это — Пушкин в день дуэли. В среду, 29 января.

Каково было настроение поэта в это памятное утро? — „Ходил по комнате необыкновенно весело, пел песни. Потом увидел в окне Данзаса. В дверях встретил радостно“.

Пушкин не выказывал никаких тяжелых, гнетущих чувств. Его настроение было веселое, бодрое. Договорившись с секундантом, он послал за пистолетами. Потом переоделся. Наконец — велел подать бекешь; вышел на лестницу. „Возвратился [принес] велел подать в кабинет большую шубу и [поехал] пошел пешком до извозчика“.

Обращаю внимание на зачеркнутые слова: „принес“, „поехал“. Жуковский очень заботился о точности. И его поразило самообладание Пушкина. Оно обнаруживалось даже в мелочах: надел сначала бекешь, а потом переменял на шубу.

Это — накануне. А после дуэли? — „Вынесли из кареты люди [чело] камердинер взял его в охапку. Грустно тебе нести меня“.

Жуковский зачеркнул „человек“, написал „камердинер“. Он и тут хотел быть точным... Его удивляет то же, что и прежде, — большая выдержка у тяжело раненого.

„Жена встретилась в [диванной] передней — дурнота“. — „В диванной“ зачеркнуто: особой диванной у Пушкина не было. Та же забота о верном изображении.

„Разделся и все онвое (!) белье. Сам велел все... Жена вошла, когда он был одет, и когда уже послали за Арендтом“. — Колеблющийся почерк и описка говорят о том, что писавший был потрясен. И все-таки он верен себе. Он не забывает подчеркнуть: „сам велел все...“

Очень показательно, что друг Пушкина ни словом не касается самой дуэли. Он старается дать себе отчет: каково было поведение поэта — до и после нее. И приводит мельчайшие подробности, какие не отмечает в других записях.

Эти подробности говорят ясно: Пушкин действовал здесь не только под влиянием чувства и настроения. Он спокойно и уверенно шел навстречу событиям: он поставил себе совершенно определенную цель.¹

IV

Пропустив страницу, Жуковский сделал еще одну запись, на четвертой странице того же листка. Запись — четвертая — была отмечена прежним редактором лишь мимоходом, но в действительности она очень красноречива.

Уже ее внешняя связь с предыдущей записью показывает, что она сделана вскоре после нее, около 2 февраля. Жуковский закрепил события после дуэли.

„Спасский. О жене и Грече“. Первое слово — неясное. Но его не следует читать, как читали прежде: „спасение“. Пушкина не спасли. Читаем: „Спасский“. Домашний врач и друг Пушкина, оказавший первую помощь раненому и оставшийся при нем дежурить. Далее: „О жене“. Пушкин был убежден в полной невинности жены. И просил друзей сделать все возможное, чтобы облегчить ее положение. „О Грече“. В рукописи стоит именно так: не „о брате“, а „о Грече“. Пушкин узнал накануне о смерти сына Греча. Умиравший поэт не забыл об этом и просил передать отцу свое соболезнование. „... Арендт. Просит прощения. Уехали. Страдание ночью. Возвращение Арендта. Фельдъегерь. Прибытие Арендта. Записка. Исповедь и причащение“. — Запись заканчивается словами: „Исповедь и причащение“. Они стоят после слова „записка“. Жуковский сам подчеркнул это особою пометкой. И это очень существенно. Пушкин выполнил христианские обряды не по собственному почину, а по предложению царя. Это было условие царской „милости“.

Очень любопытно также, что в записи совершенно не упоминаются никакие верноподданные суждения Пушкина, которые потом так торжественно преподносил Жуковский. На это нет даже и намека. Мы должны быть особенно благодарны Жуковскому за то, что он сохранил эту запись. Именно своею краткостью он дает живое опровержение легенды о „христианском просветлении“ Пушкина. Легенды, которую создал и пустил в оборот тот же Жуковский...

V

В записи пятой прежний редактор усмотрел только „ряд фамилий“. И запись была признана незначительной. Оценка эта вряд ли справедлива.

Прежде всего, обратим внимание на вычеркнутую фамилию: Краевский. Повидимому, этот друг Пушкина не присутствовал при его кончине.

¹ Ср. письмо Жуковского к Пушкину в ноябре 1836 г., особенно подчеркнутые самим Жуковским слова: „зная предварительно о том, что ты намерен сделать“ („Переписка“, т. III, 1911, стр. 404).

Напротив, остальные лица, названные в списке, были свидетелями его последних часов. Все они вошли в список.

Далее: в списке находим не только фамилии. Против некоторых фамилий стоят знаки. Две фамилии отмечены минусами. Почти все остальные оставлены без минусов. Что это значит?

Запись эта слишком кратка. Поэтому мы имеем право упредить наше изложение и привести несколько строк из другой, последней записи, более красноречивой: „Я читал мое письмо — тоже и на днях. Что же вы сделали“.

Смысл этой заметки ясен. После смерти Пушкина его друзья должны были действовать, выступать. Что же они сделали?

В списке отмечен, без знака минус, доктор Спасский. Действительно, уже 2 февраля — через три дня после смерти поэта — он написал свою записку: „Рассказ очевидца о последних днях А. С. Пушкина“. И в тот же день прочел свою записку Жуковскому и А. И. Тургеневу.¹

Без знака минус оставлен и другой друг Пушкина, доктор Даль. И он написал свой отчет — в начале февраля. Около середины месяца его записка уже ходила по рукам, в Москве.²

Представлены в списке и Вяземский с женою. 5 и 9 февраля он написал, на ту же тему, свои письма к Булгакову и к Давыдову. А 14 февраля он уже закончил, при содействии жены, свое обширное письмо к Михаилу Павловичу.

В списке отмечены также Мещерский и Карамзина. И эти семьи, дружественные поэту, не бездействовали. Княгиня Мещерская (Карамзина) тоже выступила с письмом около 14 февраля.³

Это отнюдь не были личные выступления. По свидетельству Жуковского, друзья не один раз читали свои творения друг другу. Это значит, что записки и письма предназначались для размножения, пересылались разным влиятельным лицам. И прежде чем пустить их в оборот, они обязательно читались и обсуждались в узком кругу...

А в таком случае вполне понятно, почему двум своим приятелям Жуковский поставил минусы. Только двум. Первый — Данзасу. Секундант Пушкина был арестован, ждал суда и не мог участвовать в общем походе. Другой минус — Вьельгорскому. Этот знатный меценат не любил никаких общественных выступлений и всячески от них уклонялся.⁴ Достаточно было и того, что он сочувствовал.

¹ Ср. дневник А. И. Тургенева, запись от 2 февраля, в которой упоминается записка Спасского.

² Уже около 15 февраля записку Даля читал друг Станкевича Неверов. Ср. письмо Станкевича к Бакуниной, „Переписка Станкевича“, 1914, стр. 514.

³ „Une quinzaine de jours après la mort“: письмо Мещерской в книге Грота „Пушкин, его лицейские товарищи и наставники“, 1899, стр. 258.

⁴ Ср. отзыв о Вьельгорском А. И. Тургенева: „вредно равнодушен“ (запись в дневнике от 1 января 1837 г.)

Все это вполне ясно. Только две вещи вызывают недоумение. Почему Жуковский поставил особый знак, плюс, Плетневу? И почему он не внес в список такого свидетеля, как А. И. Тургенев?

Плюс, поставленный Плетневу, повидимому, просто зачеркнутый минус. Скромный друг Пушкина почитался человеком робким,¹ и на него нельзя было рассчитывать. Но, повидимому, и он обещал писать.

А Тургенев? Он начал писать свои послания о смерти Пушкина еще при его жизни, в комнатах умирающего. И чуть не каждый день засыпал разных лиц новыми письмами или копиями прежних. Жуковскому не было нужды включать его в список: так же, как и самого себя. Они работали вместе, в полном согласии. Может быть и список составляли вместе.

И значит, общее содержание записи вполне отчетливо. Оно не так невинно, как это принято было думать. Перед нами своего рода программа действий. Она была набросана вскоре после смерти поэта, в начале февраля.

VI

Прежний редактор признал эти записи за простой конспект письма Жуковского к Бенкендорфу. Между тем, это мнение ошибочно.

В начале шестой, карандашной, записи читаем: „Разбор сделан... Что буду делать с ма<нускриптами>“.

В последнем слове нетерпеливый Жуковский написал только две буквы. Но нет сомнения, что речь идет именно о „манускриптах“.² Об этом говорят ясные слова: „разбор сделан“.

Царь поручил придворному поэту просмотреть бумаги Пушкина. Разбор был закончен около 25 февраля. Тогда-то и была сделана запись — дней за десять до письма Жуковского к Бенкендорфу.³ Да и легко убедиться: запись наполнена впечатлениями этого „разбора“: „Протестую. Донос на меня... Мое положение“.

Разбор был поручен сначала одному Жуковскому. Но еще до смерти Пушкина в Третье отделение был сделан донос: что Жуковский похитил часть рукописей, чтобы их скрыть.

Царь распорядился, чтобы друг Пушкина просматривал бумаги не один, а с жандармским генералом. Даже благонамеренному Жуковскому пришлось „протестовать“.

Жандармский генерал изучал архив Пушкина очень усердно: чуть не три недели. И Жуковский торопится записать, каковы были итоги этого вынужденного сотрудничества: „Но вот что узнали: выводы“.

¹ См. отзыв современника о Плетневе у Грота, стр. 255.

² Жуковский любит это слово; ср. его письмо к Пушкину в декабре 1836 г., „Переписка“, под ред. Сайтова, т. III, стр. 435.

³ Согласно дневнику А. И. Тургенева, Жуковский впервые прочел ему свое письмо только 8 марта.

„Его раздражение“. „Раздражение“ Пушкина: вот первое, что подметил жандармский критик в переписке поэта. И оно вполне понятно.

„Хорошо судили“. — Жуковский хочет сказать что Пушкину не доверяли, его попрежнему подозревали в либерализме. Шеф жандармов постоянно делал ему выговоры.

И Жуковский хотел сначала написать: „Его предубеждение“. Получилось бы — „Пушкина“. Потом исправил: „предубеждение его“, т. е. не Пушкина, а Бенкендорфа к Пушкину.

Оправдалось ли это „предубеждение“? Читаем дальше: „Его образ мыслей“. Письмо к Чадаеву“. Конечно, речь идет об „образе мысли“ Пушкина. Это было самое любопытное для жандармов.

Жандармы не оставили поэта в покое и после его смерти. Они старались выявить „образ мыслей Пушкина“.

И одна рукопись Пушкина особенно привлекла их внимание. „Письмо к Чадаеву“: разумеется, непсланное письмо к Чаадаеву, написанное Пушкиным почти накануне событий, 19 октября, — возражение на знаменитое „Философическое письмо“.

Жуковский вынужден был разбирать бумаги своего друга вместе с жандармом. И только покончив с этим непочетным делом, он, что называется, вздохнул свободно и мог оглянуться на прежние события.

Отметив окончание разбора, он хотел написать: „Что случилось“. Потом зачеркнул, и написал: „Его смерть“.

Он уже отметил — предсмертные часы поэта. И теперь он хочет закрепить другое: события после смерти, их последовательное развертывание.

Смерть Пушкина всколыхнула петербургскую общественность. На арену собирались выступить „студенты“, дворянская молодежь. Неожиданно заявил о себе и другой класс. Купцы, „третье сословие“.

Город наполнился тревожными слухами. Ожидались речи у гроба. Стали говорить о „мщении“ убийце. А что делали друзья Пушкина?

„Граф Строганов. Нельзя же образовать < >“ — Друзья Пушкина поручили организацию похорон такому „благонамеренному“ человеку, как граф Строганов. Нечего было бояться никаких выступлений. Правда, стечение посетителей у гроба было необычное. Но нельзя было — оцепить квартиру и никого не впускать.

И все-таки, полиция сочла нужным вмешаться. На выносе уже присутствовали жандармы. Но полиция не ограничилась и этим. По распоряжению полиции гроб перенесли ночью в более скромную небольшую и незаметную церковь: не в Адмиралтейскую (Исаакиевский собор), а в „домовую“ Конюшенную. Жандармский конвой был удвоен: вероятно, об этом говорит недописанное слово (де<журство>).

Как и обычно, эти меры вызвали обратное действие. Недовольная толпа наполняла площадь („народ на площади“); толки росли. Да и сами организаторы похорон — друзья Пушкина чувствовали себя обиженными.

На другой день, 1 февраля, в той же Конюшенной церкви было совершено отпевание. Состав публики стал совсем другой. „Министры. Церемония в церкви. Поклонение гробу“.

Накануне этой блестящей публики совсем не было. Теперь, наконец, она появилась у гроба, даже „министры“.

В церковь не пускали никого, кроме особо приглашенных. Были приняты и другие меры: „Непозволение печатать. Критика Дундука“.

Бенкендорф запретил печатать какие бы ни было статьи о погибшем поэте. Друг Пушкина, Краевский, напечатал в своей газете краткий некролог и на другой день выслушал свирепую „критику“ председателя цензурного комитета.

„Отчего все эти страхи. Чего боялись отпуск(ов)“. — Вторая фраза очень неотчетливая. Повидимому, речь идет о предписании, которое было дано университету. Не прекращать лекций, не отпускать студентов на похороны.

Но ведь „он был невозможен“! Жуковский не сообщает, кто — он. Страшное слово для благонамеренного поэта: заговор.

„Сильное *нрзб.* Сильное оскорбление — Какой контраст с государем.“ — Одно слово совершенно неразборчиво. Но последнюю строку мне удалось прочесть. И общий смысл не вызывает сомнения.

Жуковский не может забыть понесенной обиды. Его, воспитателя наследника, жандармы хотели сделать чуть ли не заговорщиком! Ему оставалось только утешать себя тем, что царь отнесся к нему иначе. Ведь это он поручил ему опечатать архив погибшего поэта...

На этом заканчивается седьмая запись.

Как далеко уходит она от узких граней семейной драмы! Перед нами отчетливо выступает другой, более глубокий фон событий. Смерть поэта неожиданно обнажила подлинное лицо тогдашнего общества...

VII

Остается последняя, восьмая, запись.

Она сделана на том же листке и прямо примыкает к предыдущей. Ее приблизительная дата: около 28 февраля.

Происхождение этой записи понять не трудно. Жуковский раскрыл еще раз свои листки, перечел последнюю запись. Здесь перечислены все события, глубоко его потрясшие.

Правая половина страницы осталась свободной. И, не переворачивая ее, друг поэта тут же излил свои настроения.

„Мне нето плохо [?] — я глупец — из-за плеч моих дру<гие>“. Начальные слова неразборчивы. Но зато ясно сохранилось внушительное: „я глупец“.

Жуковскому было за что упрекнуть себя. Шеф жандармов, Бенкендорф, заставил его сыграть незавидную роль. Разбор бумаг превратился в политический сыск, и его невольным участником стал он сам — друг Пушкина.

„Из-за плеч моих другие“. Эти слова тоже очень неотчетливы, но очень правдоподобны. Да, именно так: Жуковский почувствовал, что жандармы сделали его ширмой, чтобы удобнее все высмотреть.

К этому присоединялось и другое: „Не могу не отвечать. Ибо вы поставили меня перед ним как...“

Думаю, что восстановление этих слов бесспорно. И смысл их нам уже известен. Вспомним о „доносе“. Царь поручил своему придворному опечатать пушкинские бумаги. А жандармы обвинили его, что он похитил часть их — еще при жизни поэта...

Выходило так, что Жуковский не оправдал доверия царя. Его „поставили перед ним как...“ Последнее слово неразборчиво. Но смысл ясен: как обманщика.

Но и этого мало. Жуковский не мог отрицать: при просмотре бумаг кое-что неблагоприятное для его друзей, все-таки, было найдено. „Что бы ни делать, все уже остае<тся> каково в письм<е>, таково и в пись<мах> П<к>уш<к>ин<у>.“ — Недописанные слова — настоящий ребус. Но разгадать его легко, если припомнить выразительную строчку шестой записи: „Письмо Чадаеву“.

В этом письме Пушкин объявил себя сторонником самодержавия и, вместе с тем, высказал о нем несколько не очень лестных мнений. Во многом поэт соглашался с „неблагонамеренным“ москвичом.

Сверх того, жандармы нашли среди бумаг и письма самого Чадаева к Пушкину. Поэт и его друзья оказывались в подозрительной связи с тем, кого царь только что объявил „умалишенным“. При желании, это можно было раздуть.

Конечно, надо было ответить жандармам, защитить себя. „Если...“ Жуковский написал это неясное слово и зачеркнул его. Но зато следующие слова чрезвычайно отчетливы.

„Я читал мое письмо — тоже и на днях. Что же вы сделали“.

Мы уже говорили, что скрывается под этими словами. Целый поход — для обработки общественного мнения.

Удался ли этот поход? — В словах Жуковского чувствуется некоторое недовольство, несмотря на все усердие его друзей.

В самом деле: они ограничивались, большею частью, полуприкрашенным описанием событий. А Жуковский хотел большего: канонизировать Пушкина. Сделать его „государевым“ поэтом. И сразу зажать рот всем обвинителям.

Жуковский уже с самого начала сделал эту попытку. Но она только привела его к грустным размышлениям: „Государь — до. Удивление и страх заго<товить> указ“. <?>

Жуковский предложил царю издать указ об отошедшем поэте, такой же похвальный, как и об умершем ранее Карамзине.

Канонизировать Пушкина царским указом не удалось. Надо было сделать это самим. Использовать первый же благоприятный повод.

И он же сейчас же подвернулся. Отец Пушкина не присутствовал при смерти сына: он был в это время в Москве. Естественно, свидетели смерти должны были дать отцу подробный отчет.

Под этим благовидным предлогом этот отчет можно было продвигнуть и в печать. Удачно составленный, он был бы хорошим ответом на все обвинения жандармов.

И уже 15 февраля — еще до окончания разбора бумаг — Жуковский написал свое знаменитое „Письмо к С. Л. Пушкину“. Через три дня, 18-го, оно начало внимательно читаться на дружеских собраниях.

*

Подводя общие итоги, вернемся еще раз к тем основным требованиям, о которых мы говорили вначале. В какой мере удовлетворяет им разобранный памятник?

Мы восстановили семь записей современника. И четыре из них почти целиком посвящены общественным откликам на гибель поэта.

Не подлежит никакому сомнению: записи Жуковского не имеют ничего общего с „конспектами“ его официальных писем. Это записи совершенно неофициальные: они предназначены только для себя.

Их автор хотел дать себе отчет в нахлынувших событиях, разобраться в их ошеломляющем потоке. Никаких других целей он себе не ставил.

Более того. Делая свои записи, наш свидетель вряд ли думал о том, что они могут попасть в руки любознательного потомка. Если бы он этого хотел, несомненно он позаботился бы о том, чтобы мы не ломали голову над неразборчивыми словами. А если бы он этого не хотел, — у него было очень простое средство: уничтожить свое саморазоблачение. Сжечь его.

Он не сделал ни того ни другого. И этим лишний раз доказал: его записи принадлежат к тому жанру, который французы именуют *feuilles détachées d'un journal intime* — разрозненные листки личного дневника.

Именно это чрезвычайно увеличивает их ценность. Перед нами наиболее чистый, наименее отягощенный первоисточник, повествующий о последней драме поэта.

А в таком случае стоит отдать себе хотя бы краткий отчет: что он может дать для объяснения сложных событий? Каковы те ближайшие выводы, к которым он обязывает исследователя?

Давно уже было указано: картина смерти Пушкина — в том же „письме“ Жуковского к отцу поэта — далеко не соответствует действительности. Но это несоответствие объяснялось, главным образом, личными свойствами Жуковского: его чрезвычайной склонностью к „бессознательной идеализации“.

Против этого приходится возражать самым решительным образом. Новооткрытые записи не оставляют сомнения в существенной истине:

друзья Пушкина организовано и сознательно создали легенду о смерти поэта. И эта легенда наполнялась вполне определенным классовым содержанием.

Именно по внушению этой старой легенды в течение целого столетия ложно оценивались причины трагического события. На первое место выдвигались семейные дела Пушкина. В особенности — знаменитый „роман“ его жены.

Между тем, уже первые записи Жуковского пронизаны одной, совершенно определенной мыслью: в семейных отношениях Пушкина не было достаточного основания для этой драмы. Они отодвигаются на второе место. Где же искать главной причины?

И здесь Жуковский не безмолвствует. Он рисует нам яркую картину окружающей обстановки. Он напоминает нам о „положении“ Пушкина, об его большом „раздражении“. Более того, он внушительно подчеркивает: поэт сам шел навстречу событиям...

Тем самым подтверждается и наш окончательный вывод. Семейные отношения Пушкина не могут считаться главной причиной последней драмы его жизни. В дуэли Пушкин искал выхода из своего тяжелого общественного положения.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ

Ш У Ш К И Ю

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ**

3

1837

1937

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД